

Что же до проблемы с внешностью — другие, может, ничего и не знали, но он-то прекрасно ведал, что Цзин Фаньшэн превосходно умеет создавать пилюли. Он способен изготовить нечто, заставляющее практикующего изменить свою личину, и некогда Цзин Фаньшэн даже дал этому творению название — Пилюля Изменения Облика.

Однако причина, по которой уверенности было всего восемь из десяти, крылась как раз в этой самой внешности.

Цзин Фаньшэн был самым самовлюбленным и тславленным из всех людей, каких ему доводилось встречать.

В конце концов, он занимал первое место в списке Семи господ Лантина, и у него были на это все основания.

До какой же степени Цзин Фаньшэн был влюблен в собственное лицо? Янь Сяожань собственными глазами видел, как он, казалось, был готов дни напролет ничего не делать, лишь бы сидеть на берегу и любоваться своим отражением в воде.

Если подумать, изначально Цзин Фаньшэн собирался сварить пилюлю для улучшения внешности, но когда она была готова, он побоялся принимать ее из-за опасений насчет побочных эффектов и заставил самого Янь Сяожаня испробовать ее на себе.

Поэтому, судя по тому, насколько хорошо Янь Сяожань знал этого человека, Цзин Фаньшэн скорее предпочёл бы закрыть лицо или вовсе не выходить из дома и не показываться людям на глаза, чем стал бы принимать пилюлю, делающую человека с виду совершенно обычным.

Что же до оставшейся доли сомнений, то она проистекала из того, что Цзин Фаньшэн отродясь не пил алкоголь.

Он с рождения ненавидел запах вина, да и голова у него была крайне слабая.

Не говоря уже о спиртном, которое варят простые смертные, он не прикасался даже к тем духовным винам, что были преисполнены духовной силы.

Янь Сяожань крепко сжал рукоять меча, впившись пальцами в серебристо-белое лезвие так, что под ними исчезли последние следы крови. Температура вокруг него, казалось, упала еще сильнее.

Так кем же в конце концов был тот человек? Цзин Фаньшэн ли это?

Цзин Фаньшэн вместе с Цзин Шии мчался без остатка добрую половину ночи, пока небо слегка не посветлело, и лишь тогда они остановились на ночлег в небольшом городке в тысяче ли от Города Лянъи.

На этот раз Цзин Фаньшэн по традиции снял комнату в постоялом дворе.

Шии всю ночь не произнес ни слова. Войдя в помещение, он уселся за стол и принялся снова вытаскивать и перебирать те самые сумки для хранения.

Цзин Фаньшэн летел на мече всю ночь напролет, потратив колоссальное количество духовной силы, и сейчас был ужасно измотан. Ему следовало бы как следует выспаться, но он всё равно присел рядом с Шии, нерешительно и жалко застыв в неведении, с чего же начать разговор.

Он всегда считал, что стоит ему открыть рот, как он сможет заговорить любого до смерти. Однако в нынешней ситуации он прекрасно осознавал свою вину, к тому же ему казалось, что извиняться перед сыном — значит ронять свое достоинство... Он просто не знал, как себя вести.

К тому же он понимал, что Цзин Фаньшэну нужны вовсе не извинения.

Куда больше извинений Шии сейчас требовалось объяснение.

Например, почему при виде Янь Сяожаня нужно было тут же бежать. Почему они, очевидно, были знакомы, да еще и враждовали, и почему столько лет подряд, стоило ему заговорить о господине Сяожане, Цзин Фаньшэн ничего ему не отвечал.

Даже когда он был совсем маленьким, Цзин Фаньшэн порой рассказывал ему забавные истории о том, как господин Сяожань в детстве создавал артефакты. Правда, повзрослев, Шии решил, что все те байки Цзин Фаньшэн выдумал сам — он вовсе не считал, что его отец может состоять в близком знакомстве со столь знаменитым господином Сяожанем.

Но теперь он не был уверен даже в этом, ведь Цзин Фаньшэн даже не обмолвился ему о том, что они были знакомы прежде.

Цзин Фаньшэн беззвучно вздохнул, не желая продолжать развивать эту тему. Он действительно не мог рассказать Шии о тех паршивых делишках, что связывали его с господином Сяожанем — кумиром, которого сын боготворил столько лет.

Цзин Фаньшэн молчал, Шии же тем более не собирался заводить разговор первым.

Похранив молчание некоторое время, Цзин Фаньшэн всё же сдался первым.

Он внезапно беззаботно и громко рассмеялся и произнес: Ты только не надумывай лишнего! Я с Янь... с господином Сяожанем и впрямь раньше был знаком, в конце концов, мы люди одного поколения, разница всего-то лет в сто-двести, хе-хе... впрочем, не сказать чтобы мы были очень близки. К тому же ты и сам знаешь: моя репутация разрушена, меня клянет на чем свет стоит каждый встречный, в то время как господин Сяожань — праведный муж, карающий демонов и нечисть, так что при встрече с ним мне, естественно, приходится уносить ноги.

Шии неожиданно поднял голову и серьезно произнес: Но ведь ты не демон и не нечисть.

Цзин Фаньшэн решил, что ребенок жалеет его, и, переполнившись чувством умиления, отозвался: Эх, да неважно. Раз уж они говорят, что я демон, значит, так оно и есть...

Кто бы мог подумать, что Шии с еще более твердой уверенностью заявит: Я верю, что господин Сяожань способен отличить правое от неправого.

Цзин Фаньшэн:

Цзин Шии добавил: Господин Сяожань блюдет справедливость и обладает чистейшим нравом, ему проще всего разобраться, где истина, а где ложь. Может статься, он даже сможет восстановить твоё честное имя.

Цзин Фаньшэн:

Он всё меньше и меньше понимал, откуда у Шии берется подобное слепое обожание? Это дитя

покидало Долину Запретного Края и контактировало с чужаками всего в третий раз за всю жизнь — где же, ради всего святого, он наслушался такого и с какой стати так безумно, до беспамятства восхищается Янь Сяожанем! Так этот мир, мать его, создан исключительно ради какого-то там Янь Сяожаня, верно? Мало того что все эти порхающие вокруг него девицы льнут к нему, как мухи на мёд, так еще и его собственный сын от этого неизбежно пострадал?! Подумав об этом, Цзин Фаньшэн решил, что раз в своё время он умудрился полностью затмить Янь Сяожаня, то тут уж заслуга его уникального телосложения и недюжинного таланта... Ха-ха!

Цзин Фаньшэн всем видом показывал, как он рассержен, ревнив и раздражен, а потому просто взмахнул рукавом и повалился на кровать спать.

Проснувшись, он обнаружил, что уже наступил вечер. Цзин Шии по-прежнему неподвижно сидел за столом, сосредоточенно выписывая чертеж формации линия за линией.

К этому моменту мальчик уже снял маску, закрывавшую половину лица, и теперь его лицо было открыто полностью. Сияющие звездчатые глаза, светлые, тонкие губы правильной формы — у него было очень красивое лицо. А если добавить к этому легкую детскую пухлость щек, он выглядел просто очаровательно, так и заставляя протянуть руку и потискать его.

Цзин Фаньшэн некоторое время молча любовался им с отцовской гордостью, а затем снова начал тревожиться.

Он думал о том, что Шии однажды придется жить в этом полном культиваторов мире, а ведь он еще так мал и не сможет вечно прятаться в Долине Запретного Края, как он сам. Нельзя допустить, чтобы с юных лет на него повесили клеймо приспешника демонов.

Перед выходом из долины Цзин Фаньшэн во всех подробностях рассказал Цзин Шии о своей нынешней репутации.

Однако мальчик, то ли по наивности не понимая всей опасности внешнего мира, то ли вовсе не страшась тягот рядом с ним, наотрез отказался менять имя и фамилию. Он заявил, что если кто-нибудь спросит, он ни за что не станет отрицать, что его отец — Цзин Фаньшэн, и даже предпочел бы до конца дней не снимать маску, чем менять свою внешность.

Вспомнив об этом, Цзин Фаньшэн беззвучно улыбнулся. И с новой волной гордости подумал, что Цзин Шии поистине его сын.

Цзин Фаньшэн снова растянулся на кровати, поднял руки и поднес их к самому лицу.

Это были безупречно чистые, красивые руки, составлявшие резкий контраст с обшлагами поношенных даосских одеяний на запястьях. Тонкие пальцы с алебастровыми кончиками выглядели длинными, а на тыльной стороне светлых рук отчетливо проступал узор кровеносных сосудов.

Сюжет этого мира уже явно пошел наперекосяк, но главный герой всё равно оставался главным героем — стоило ему заикнуться об ответном ударе, как он тут же его нанес. Сам же Цзин Фаньшэн в одночасье вернулся к роли пушечного мяса: хоть он и не умер, разница была невелика.

Цзин Фаньшэн не хотел этого признавать, но приходилось признать: потрясение, пережитое им пятнадцать лет назад, действительно нанесло ему тяжелый удар.

И в прошлой жизни, и в этой он неизменно оставался баловнем судьбы.

Пусть даже по воле автора романа Цзин Фаньшэну была уготована участь наивного пушечного мяса с белыми цветами лотоса на уме, нельзя было отрицать, что с самого рождения он обладал выдающимися преимуществами, о которых многие могли только мечтать. Он происходил из такого прославленного медицинского клана, как Гора Чунмин (чтобы спасти главного героя), его навыки алхимии были прокачаны до абсолютного максимума с рождения (чтобы спасти главного героя, а заодно пичкать его разнообразными пилюлями для роста уровня культивации), а талант владения мечом от рождения достиг предела (опять же ради спасения главного героя и наставничества в его тренировках). Обладая столь уникальными условиями, он после того, как его душу заменил тот, у кого от белого лотоса не было и следа, повернул сюжет в совершенно иное русло.

Как ни странно, это даже забавно: прожив несколько сотен лет, он впервые столкнулся с неудачей именно в том происшествии пятнадцатилетней давности — впервые за две жизни.

Возможно, из-за того, что прежде он никогда не падал — и сразу так низко, с небес на самое дно, — Цзин Фаньшэн обнаружил, что, несмотря на прошедшее время, он всё еще не до конца оправился.

Хотя гордость не позволяла ему в этом признаться, Цзин Фаньшэн то и дело ловил себя на мысли, что против лома нет приема, и на сей раз ему никак не одолеть те незыблемые правила этого мира, написанные по мотивам романа Бедствие демонов в мире.

Эта мысль надолго погрузила его в уныние.

Если бы не беспокойство за Шии, который собирался в одиночку покинуть долину и отправиться странствовать, он бы до сих пор преспокойно грелся на солнышке в Долине Запретного Края, не ведая забот внешнего мира.

...Даже сознавая, что он всего лишь персонаж книги, а всё происходящее вокруг — лишь набор виртуальных данных, Цзин Фаньшэн не мог не испытывать нежных чувств к своему родному сыну.

Хотя в прошлой жизни его семья была настолько богата, что входила в первую десятку списка Форбс, искренняя привязанность и семейное тепло были едва ли не самыми холодными

вещами в том доме.

Прежний Цзин Фаньшэн — или, вернее, Цзин Ци — вовсе не умел ценить чувства.

Лишь проведя несколько сотен лет в гармоничной атмосфере Горы Чунмин, Цзин Фаньшэн научился по-настоящему ощущать человеческую теплоту. А после рождения Цзин Шии он постепенно постиг и вовсе многое... родительскую любовь.

И раз уж в его сердце поселилось такое чувство, ему непременно захотелось выстроить для Цзин Шии надежное убежище в этом мире.

Вот только теперь весь сюжет полетел кувырком. Самое смешное, что именно из-за своей былой самоуверенности, надменности и безудержного стремления переписать сюжет он сам же и загнал себя в тупик, не зная теперь, как поступить.

В конце концов, в оригинальном романе, который позиционировался как гаремное фэнтези, никакого Цзин Шии быть просто не могло. Он сжал обе руки в кулаки, внезапно громко зевнул и, лениво перевернувшись, сел.

Цзин Шии как раз тер пальцами ту самую нефритовую пластину, которую уже почти до блеска отполировал своими прикосновениями. Внезапный зевок вырвал его из раздумий; мальчик бросил на спутника мимолетный взгляд и снова погрузился в собственные мысли.

Цзин Фаньшэн соскочил с кровати и объявил: — Пойдем, мы отправляемся прямо сейчас!

Шии никак не мог взять в толк, что тому снова взбрело в голову, и настороженно спросил: — Куда?

— Хм... И правда, куда же? — Цзин Фаньшэн почесал в затылке, а затем вдруг указал пальцем на восток: — А давай отправимся в Куньлунь!

Лицо Шии едва заметно изменилось.

Цзин Фаньшэн хихикнул и сказал: — Я смотрю, ты уже почти освоил это начальное руководство по созданию артефактов, можно сказать, вошел во вкус. Делать все равно нечего, почему бы не прогуляться до Куньлуня? Смотришь, удастся найти тебе хорошего наставника...

— Правда? — глаза Шии засияли, когда он посмотрел на него, и на губах мальчика наконец появилась улыбка.

Цзин Фаньшэн меньше всего на свете умел выдерживать такой взгляд, но, видя, что тот наконец улыбнулся, все равно порадовался в душе. Он легко потянул Шии за щеку и произнес: — Вот так-то, тебе и следует быть таким. Если такой ребенок, как ты, будет вечно ходить с кислым лицом, то быстро превратится в старичка.

Он велел Цзин Шии подготовить в дорогу все необходимое, а сам, покачиваясь и раскачиваясь на стуле посреди комнаты, некоторое время сидел без дела. Внезапно он потрогал свое лицо, достал из рукава Цянькунь большое медное зеркальце и повертел его в руках.

Хотя это зеркало не обладало никакими особыми свойствами, оно все же считалось магическим инструментом. Его достоинство заключалось в том, что отражение получалось гораздо четче, чем в обычных мирских зеркалах — пожалуй, эффект был примерно таким же, как от самого обычного зеркала в его прошлой жизни, до перемещения.

Цзин Фаньшэн одной рукой держал зеркало, другой гладил себя по лицу и время от времени издавал звуки вроде восхищенного цыканья.

Полюбовавшись им добрую половину дня, он заново собрал растрепавшуюся от сна и катания по постели прическу, небрежно завязал волосы черной тканевой лентой и лишь после этого убрал зеркало обратно. Затем он вытащил из рукава маленький пузырек с лекарством, вытряхнул оттуда пилюлю и забросил ее в рот.

Проглотив пилюлю, Цзин Фаньшэн снова заерзал на стуле, словно не в силах усидеть на месте.

Закрыв глаза, он с трудом подавил жгучее желание схватиться за голову и с горечью подумал: — Куньлунь... Кажется, раньше я не убивал там никого слишком уж важного?

На материке, где собирались все культиваторы, гора Лянъи находилась на самом западе, а Куньлунь — на самом востоке. Если бы обычный смертный вздумал проделать этот путь пешком или на телеге, у него ушло бы почти целое десятилетие.

Впрочем, для таких, как Цзин Фаньшэн и Ши, это не имело никакого значения: десять лет для него могли пролететь так же быстро, как один-единственный сон. Раз уж они изначально хотели покинуть долину и набраться опыта в миру, то им было куда спешить — они могли двигаться не торопясь, то останавливаясь, то продолжая путь. К тому же, при нынешнем уровне культивации Цзин Фаньшэна долететь до Куньлуна на мече было решительно невозможно.

Однако составление маршрута вновь заставило Цзин Фаньшэна призадуматься.

Чтобы добраться от земель горы Лянъи до Куньлуна, им предстояло пересечь весь континент целиком, и по пути они неминуемо должны были проехать мимо владений Монастыря Ваньсян, Ордена Улянцзянь и Дворца Сяосян.

Со Дворцом Сяосян дело обстояло проще: он примыкал к бескрайним просторам пустынной горы Великого Феникса, и ее можно было обойти стороной. Но до этого лежали Ваньсян на севере и Улянцзянь на юге, а между ними затесалась Башня Укрощения Демонов. Все три точки выстроились в ровную линию поперек всего материка, и если бы они захотели избежать этих мест, оставалось только плыть морем.

Хотя Цзин Фаньшэн был уверен, что сейчас никто его не узнает, да и особой боязни перед возможным разоблачением он не испытывал, при возможности все же стоило избегать лишних хлопот.

В конце концов Цзин Фаньшэн решил пролететь мимо Монастыря Ваньсян и Ордена Улянцзянь на летающем мече, а в остальное время пользоваться обычным транспортом.

Раздобыв немалое вознаграждение у Господина Лю, Цзин Фаньшэн зажил на широкую ногу: он больше не ездил на осле, а пересел прямо в запряженную лошадьми повозку.

Денег хватило даже на то, чтобы нанять кучера, который вывез их за пределы этих земель.

Повозка ехала уже три дня. В этот день Цзин Фаньшэн, смертельно скучая, зевал, глядя на пейзаж за окном.

Шии снова ушел в свой собственный маленький мир.

У Цзин Фаньшэна была одна дурная привычка: стоило ему заскучать, как его так и подмывало подразнить мальчика. Он внезапно схватил Шии за запястье и спросил: — Какая у тебя сейчас ступень Конденсации Меридианов?

Шии ответил: — Седьмая.

Цзин Фаньшэн легонько щелкнул его по лбу и произнес: — Подумать только, сколько лет ты уже находишься на стадии Конденсации Меридианов? Почему всего лишь седьмая ступень?

Шии закатил глаза, что на фоне черной маски выглядело особенно выразительно, и бросил: — Почему ты не говоришь о том, что среди детей моего возраста, не говоря уже о Конденсации Меридианов, едва ли наберется хоть пара тех, кто вообще достиг Закладки Основания?

— ... — его тут же заставили замолчать. Цзин Фаньшэн немного подумал и понял, что слова Шии звучали весьма и весьма... разумно.

Если исходить из обычного порядка вещей, гением считался тот, кто достигал Закладки Основания примерно к десяти годам, а на стадию Конденсации Меридианов переходил лет в пятнадцать. Но чтобы добиться такого, помимо выдающегося таланта требовалось еще и изрядное везение — если человек с молодых ногтей не рос в бессмертной обители и ему не посчастливилось встретить наставника-культуратора, самостоятельно совершить Закладку Основания было абсолютно невозможно.

Даже он сам в свое время едва переступил порог стадии Конденсации Меридианов как раз в возрасте Шии.

Однако Цзин Фаньшэн собирался говорить совсем о другом. Он раздраженно почесал затылок, признавая про себя, что в вопросах воспитания Шии у него вечно опускались руки.

Изначально он хотел сказать, что изучение искусства создания артефактов, конечно, очень важно, но ничто не сравнится по важности с боевой мощью. Даже для создания артефактов необходимы крепкая база и духовная сила. К тому же мир полон опасностей, и нет ничего надежнее крепкого кулака...

Однако он долго мялся, перебирая в уме самые разные доводы, и в конце концов — чего ему делать явно следовало — ляпнул: — А вот Янь Сяожань в твоём возрасте каждый день по десять тысяч раз взмахивал мечом, а потом еще садился медитировать и тренироваться...

Движения Шии резко замерли.

Цзин Фаньшэн понял, что сболтнул лишнего, мысленно выругал себя за то, что задел больное место, и тут же поспешно добавил: — Я вовсе не заставляю тебя равняться на него, просто привел пример. К тому же... твой батюшка в детстве тоже был весьма силен... Эй, нет-нет, я хотел сказать совсем другое: нет ничего плохого в том, что ты целыми днями занят созданием артефактов, но нужно же развиваться всесторонне, разве я не прав?

Шии молча смотрел на него с бесстрастным лицом.

Тогда Цзин Фаньшэн продолжил: — У тебя отличный талант, тебе стоит использовать молодость для усердных тренировок. Кто знает, может быть, в будущем ты станешь первым мастером во всем мире заклинателей?

Шии проницательно спросил: — С чего это ты вдруг заговорил о таком?

Прежде, пока они жили в Долине Запретного Края, Цзин Фаньшэн никогда не лез не в свое дело. Не говоря уже о том, что сейчас его тон звучал донельзя серьезно, почти наравоучительно.

Продолжая почесывать голову, Цзин Фаньшэн пояснил: — Разве я не переживаю, что тебя обидят? Где это видано, чтобы внешний мир был так же безопасен, как Долина Запретного Края?

Цзин Фаньшэн не впервые нес всякую чушь и действовал по наитию, так что Шии поленился ему отвечать.

Сейчас он был крайне занят. Видя, что мальчик уже практически самостоятельно освоил начальное руководство, а создаваемые им сумки для хранения становились все лучше и лучше, Цзин Фаньшэн вручил ему Среднее руководство по созданию артефактов.

Содержимое этой нефритовой пластины во много раз превосходило начальный уровень: только одних видов материалов там насчитывалось около десятка тысяч, не говоря уже о способах их обработки и методах создания других духовных артефактов. Информация поражала воображение своей полнотой и разнообразием. И хотя Божественное сознание Шии было очень сильным, ему потребовался бы далеко не один день, чтобы все это переварить и усвоить.

Он и так был по горло занят, откуда у него могло взяться время на раздумья о своей культивации?

К тому же за время их долгого пути Шии тайком кое за кем понаблюдал — хотя ему довелось повидать не так уж много культиваторов, — но тот юноша, что неотступно следовал за господином Сяожанем, выглядел так, будто его внешность уже застыла и истинный возраст определить было невозможно; судя же по его чертам лица, он достиг стадии Конденсации Меридианов как минимум лет в двадцать.

И это при том, что ему самому сейчас исполнилось всего четырнадцать. Цзин Шии невольно подумал с гордостью и уверенностью: раз уж такой человек мог находиться рядом с господином Сяожанем, то у него-то точно не должно возникнуть никаких проблем!

Заметив, что Шии снова углубился в изучение нефритовой пластины, Цзин Фаньшэн от скуки перекатился с боку на бок внутри повозки, а затем извлек из мешка Цянькунь те самые потрепанные сумы из грубой ткани, которые раньше висели на шее у осла.

Порывшись в них, он вытащил горсть целебных трав.

В нынешнем мире заклинателей целители ценились превыше всего, но при этом были огромной редкостью.

Обитель Гора Чунмин, где Цзин Фаньшэн состоял прежде, славилась своим искусством пилюлеварения и врачевания. Когда-то давно Гора Чунмин входила в четверку великих сектам бессмертных, однако все ее адепты от мала до велика были преданы лишь изготовлению пилюль, спасению жизней и исцелению больных, не выказывая интереса к борьбе за

первенство. В итоге по совокупности заслуг их потеснил стремительно набравший силу Дворец Сяосян.

И хотя они утратили прежние позиции, слава Горы Чунмин гремела даже среди простых людей, а остальные четыре великие секты относились к ней с глубоким уважением и старались задобрить. В конце концов, все так или иначе рассчитывали на пилюли, производимые на Горе Чунмин.

Но с тех пор как пятнадцать лет назад Гору Чунмин залили кровью, эта обитель пришла в полный упадок. Сейчас там едва теплилась жизнь благодаря сироте бывшего главы, но по сути секта существовала лишь на бумаге.

Указательный палец правой руки Цзин Фаньшэна внезапно вспыхнул пучком синего пламени. Он раскрыл ладонь, и огонь резко разгорелся, заплесав и затрепетав прямо на его руке.

Внезапно вспыхнувшее синее пламя привлекло внимание Цзин Ши.

Пригоршня трав, которую извлек Цзин Фаньшэн, насчитывала около десятка различных видов; все они были предварительно заготовлены и должным образом законсервированы.

<http://bllate.org/book/22149/2307418>